

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 113

28 мая 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе, с участием адвоката С., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы К. от 12 марта 2026 года № ... в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 апреля 2026 года вынесла заключение о нарушении адвокатом С.:

1) положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 и 4 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 года (протокол № 18), выразившемся во включении адвокатом С. в Соглашение от 08 августа 2025 года № ... об оказании юридической помощи И. по уголовному делу № ... условия, содержащегося в п. 4.3, согласно которому *«в случае несвоевременной оплаты, если такая оплата должна быть произведена, исполнение обязательств исполнителем приостанавливается на время неоплаты»*; в неуказании в Соглашении сроков оплаты вознаграждения и процедуры уведомления доверителя о приостановлении оказания ему юридической помощи; в неявке 02 октября 2025 года в судебное заседание по указанному уголовному делу в связи неоплатой доверителем вознаграждения за оказание ему юридической помощи и в извещении доверителя – подсудимого И. о

своей неявке в судебное заседание за 10 минут до его начала, и в оставлении тем самым доверителя И. без квалифицированной юридической помощи;

2) положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в указании во вводной части Соглашения от 08 августа 2025 года № ... об оказании юридической помощи И. в качестве стороны соглашения адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С., а не адвоката С., и в указании в заключительной части Соглашения, содержащей сведения о его сторонах и их реквизитах, в качестве «Исполнителя» – адвокатского кабинета адвоката С. и его юридического адреса, в то время как адвокатский кабинет не является юридическим лицом и не имеет юридического адреса;

3) положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Советом Адвокатской палаты города Москвы 30 мая 2013 года, выразившемся в заключении с доверителем И. Соглашения № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ... только в течение шести месяцев, а не на всей стадии уголовного судопроизводства в суде первой инстанции;

4) положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ..., носящих неопределенный и неконкретный характер условий об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций доверителя и исполнителя» (п. 4.2), о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), а также указании в п. 5.7 соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», при отсутствии в соглашении расценок и минимальных ставок на оказание юридической помощи;

5) положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, заключенного с И., носящего дискриминационный, неопределенный и неконкретный характер условия, содержащегося в п. 3.4 Соглашения, о том, что доверитель обязан «осуществлять юридически значимые действия по предмету договора, в том числе: контакты с любыми лицами, касающиеся предмета настоящего договора, скреплять своей

подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела,» «только с согласия Исполнителя, причем согласием в последнем случае считается визирование подписи Доверителя Исполнителем на документе или устно с последующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1»;

6) положений ч. 7 ст. 49 УПК РФ, пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, выразившемся во включении в Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ..., недопустимых условий, содержащихся в пунктах 2.3 и 5.4 Соглашения, предоставляющих адвокату право одностороннего отказа от исполнения обязательства по защите подсудимого;

7) положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, выразившемся во включении в пункты 5.5, 5.6, 5.7, 5.8 Соглашения № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу №, условий о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя;

8) положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, выразившемся в неподтверждении факта получения доверителем И. экземпляра Соглашения № ... об оказании юридической помощи от 08 августа 2025 года его подписью на экземпляре соглашения адвоката С.;

9) положений пп. 1 п. 1 ст. 7, 8, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 6, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в водную часть Соглашения № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ..., неясного определения «Доверителя», не соответствующего предмету соглашения и допускающего неопределенность в отношении стороны соглашения, а также

определения адвокатской тайны, ставящего возможность ее разглашения в зависимость от воли адвоката С., а не доверителя.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, полностью согласился с ним. Пояснил, что после получения заключения Комиссии им полностью переработан текст соглашения об оказании юридической помощи в соответствии с требованиями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы. Прежним вариантом соглашения он пользовался в течение многих лет, позаимствовав его в адвокатском образовании, в котором состоял ранее, и не вдумываясь в его содержание. В настоящее время осознает недопустимый характер тех условий соглашения, на которые указала Квалификационная комиссия. Признал, что не должен был оставлять доверителя без юридической помощи, тем более без предварительного предупреждения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката С., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично скорректировать объем дисциплинарных обвинений адвоката С., как указано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлена следующая совокупность фактических обстоятельств.

В производстве Т. районного суда города Москвы находится уголовное дело № ... в отношении И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 5 ст. 222 УК РФ. Его защиту на основании соглашения осуществлял адвокат С. 02 октября 2025 года он не явился в судебное заседание по указанному делу. Согласно выписке из протокола судебного заседания от 02 октября 2025 года подсудимый И. на вопрос председательствующего о причине неявки его защитника указал, что его защитник – адвокат С. сообщил ему прямо перед судебным заседанием о том, что в заседание не приедет, а если И. произведет оплату его вознаграждения, предусмотренную Соглашением, то он явится в следующее судебное заседание. Судебное заседание было отложено по причине неявки в судебное заседание защитника подсудимого И. – адвоката С., в связи с чем председательствующая судья К. направила в Адвокатскую палату города Москвы обращение о привлечении адвоката С. к дисциплинарной ответственности за неуважение к суду.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 февраля 2026 года № ... к адвокату С. применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неуважение к суду, выразившееся в неявке 02 октября 2025 года без уважительных причин в судебное заседание Т. районного суда города Москвы.

Вместе с тем, анализ представленного адвокатом С. в ходе указанного дисциплинарного разбирательства Соглашения № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года (далее Соглашение), на основании которого он принял на себя поручение осуществлять защиту

доверителя И. по уголовному делу № ... в суде первой инстанции (Т. районном суде города Москвы), показал, что это Соглашение содержит целый ряд недопустимых, неясных и дискриминационных в отношении доверителя условий. Одним из таких условий адвокат С. воспользовался 02 октября 2025 года при описанных обстоятельствах, оставив доверителя без квалифицированной юридической помощи. В связи с этими обстоятельствами вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы К. 12 марта 2026 года было внесено представление, на основании которого в отношении адвоката С. было возбуждено настоящее дисциплинарное производство.

В представлении выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката С.:

1) во включении в Соглашение пункта 4.3, согласно которому «в случае несвоевременной оплаты, если такая оплата должна быть произведена, исполнение обязательств Исполнителем приостанавливается на время неоплаты», неустановлении в Соглашении конкретных сроков оплаты вознаграждения и в оставлении доверителя – подсудимого И. без квалифицированной юридической помощи, выразившемся в его извещении 02 октября 2025 года за 10 минут до начала судебного заседания о неявке в него в связи с неоплатой доверителем вознаграждения за оказание ему юридической помощи и в последующей неявке в судебное заседание;

2) в заключении Соглашения не адвокатом, а адвокатским образованием (адвокатским кабинетом) и указании в Соглашении в качестве «Исполнителя» адвокатского образования – «адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С.» и его юридического адреса;

3) во включении в п. 1.2 Соглашения условия о сроке исполнения поручения в течение шести месяцев, в то время как предметом поручения является защита доверителя по уголовному делу в суде первой инстанции;

4) во включении в Соглашение условия об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций Доверителя и Исполнителя» (п. 4.2), упоминания в п. 5.7 Соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», а также условия о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), в то время как доверителю никакие «расценки», «ставки» и «цены», «установленные в Кабинете адвоката», не сообщались;

5) во включении в Соглашение дискриминационного в отношении доверителя условия о том, что он обязан согласовывать с «Исполнителем» все и любые свои и своих представителей «юридически значимые действия по предмету соглашения» (п. 3.4);

6) во включении в Соглашение недопустимого условия об одностороннем отказе «исполнителя» от исполнения обязательств (п. 2.3 и 5.4);

7) во включении в Соглашение содержащегося в пунктах 5.5, 5.6, 5.7 и 5.8 условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при

расторжении Соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя;

8) в неполучении подписи доверителя И. на экземпляре Соглашения, оставшемся у адвоката С., подтверждающей факт получения доверителем экземпляра Соглашения;

9) в указании во вводной части Соглашения определения понятия адвокатской тайны, предусматривающего, что она не может быть разглашена без согласия «Исполнителя» (а не доверителя), а также определения понятия «Доверитель», не соответствующего предмету Соглашения, который не предполагает оказание юридической помощи никаким иным лицам, кроме самого И.

Рассматривая первое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что п. 4.3 Соглашения и последующие действия адвоката С. со ссылкой на него прямо противоречат требованиям Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. (протокол № 18) и опубликованного на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-punkta-2-stati-13-kodeksa-professionalnoy-etiki-advok/>). Согласно п. 3 указанного Разъяснения «...законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекс профессиональной этики адвоката не содержат прямого запрета на включение в соглашение об осуществлении защиты по уголовному делу условия о праве адвоката на односторонний отказ от такого соглашения (от его исполнения) в случае невыплаты адвокату вознаграждения либо условия о том, что невыплата вознаграждения доверителем рассматривается сторонами в качестве отказа последнего от дальнейшего исполнения соглашения. Определяя нормативную возможность одностороннего отказа от исполнения соглашения об осуществлении защиты по уголовному делу, адвокат должен во всяком случае руководствоваться требованиями разумности и добросовестности, предъявляемыми пунктом 4 статьи 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Под добросовестностью в том числе следует понимать требование проявления необходимой заботы о законных интересах доверителя, а также интересах осуществления правосудия и о недопущении причинения им вреда. Некоммерческий и публично-правовой характер деятельности предполагает недопустимость каких-либо действий или решений, основанных исключительно на личном, в том числе финансовом, интересе адвоката в конкуренции с публичной функцией адвокатуры. Права и законные интересы доверителя, а также интересы надлежащего отправления правосудия являются безусловным приоритетом в деятельности адвоката, носящей явно выраженный публичный характер».

В соответствии с п. 4 названного Разъяснения гражданско-правовая природа соглашения об осуществлении защиты по уголовному делу не исключает включение сторонами в указанное соглашение условия о праве отказаться от исполнения обязательств по соглашению (в одностороннем порядке отказаться от соглашения) в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) другой стороной обязанности по выплате адвокату вознаграждения. С учетом очевидно различного уровня юридической квалификации указанное выше условие должно быть отдельно и особо разъяснено доверителю (пп. 4.1); вне зависимости от конкретных оснований прекращения осуществления адвокатом защиты по уголовному делу, адвокату, действуя добросовестно, следует предпринять все разумные и достаточные меры для обеспечения непрерывности защиты подозреваемого (обвиняемого) и иных гарантий соблюдения прав и законных интересов указанного лица (пп. 4.2). Так как обстоятельства соблюдения адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката при прекращении осуществления защиты по уголовному делу могут стать предметом дисциплинарного разбирательства при наличии надлежащего повода для возбуждения дисциплинарного производства, то органам адвокатского самоуправления в этом случае следует принимать во внимание все фактические обстоятельства и исходить из приоритета этических принципов и правил над формально-правовым регулированием (пп. 4.3).

Указанное выше условие п. 4.3 Соглашения, заключенного адвокатом С. с И., о приостановлении исполнения обязательств при несвоевременной оплате вознаграждения в совокупности с отсутствием в Соглашении сроков оплаты вознаграждения и процедуры уведомления доверителя о приостановлении (прекращении) оказания ему юридической помощи является недопустимым. Включив в Соглашение это условие и не конкретизировав сроки и порядок самой оплаты, а также процедуру уведомления доверителя, адвокат С. создал правовую неопределенность, позволяющую ему произвольно трактовать момент наступления «несвоевременности». Такое профессиональное поведение адвоката не соответствует принципам разумности и добросовестности, поскольку предоставляет адвокату необоснованное преимущество. Кроме того, извещение доверителя о приостановлении оказания ему юридической помощи и неявка в судебное заседание непосредственно перед его началом при том, что адвокат С. был заранее осведомлен о дате и времени указанного судебного заседания, само по себе, даже при условии формального наличия права на приостановление защиты (которого у адвоката С. не имелось), является грубым нарушением требований п. 4.2 и 4.3 указанного Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, обязывающих адвоката предпринять все разумные меры для обеспечения непрерывности защиты и соблюдения прав доверителя.

Таким образом, описанными действиями, совершенными вопреки перечисленным обязательным требованиям, адвокат С. нарушил требования

разумности и добросовестности, и эти его действия были направлены к подрыву доверия к нему как к адвокату. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат С. при описанных обстоятельствах грубо нарушил требования пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 и 4 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 года (протокол № 18). Совет признает презумпцию адвоката С. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Вместе с тем, Совет признает избыточным и подлежащим исключению из рассматриваемого дисциплинарного обвинения указание на неявку адвоката С. 02 октября 2025 года в судебное заседание по указанному уголовному делу. Приходя к такому выводу, Совет исходит из того, что это бездействие адвоката С. являлось предметом другого дисциплинарного разбирательства, по результатам которого, как указано выше, к адвокату С. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26 февраля 2026 года № ... была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неуважение к суду, выразившееся в неявке 02 октября 2025 года без уважительных причин в судебное заседание Т. районного суда города Москвы по указанному уголовному делу. При этом Совет подчеркивает, что, несмотря на частичное совпадение фактических обстоятельств предыдущего и настоящего дисциплинарных производств в отношении адвоката С., предметом настоящего дисциплинарного разбирательства являются иные дисциплинарные обвинения, связанные с профессиональным поведением адвоката С. в отношении своего доверителя И., которые не выдвигались в предыдущем дисциплинарном разбирательстве.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в заключении Соглашения не адвокатом, а адвокатским образованием и в указании в Соглашении в качестве «Исполнителя» адвокатского образования – «адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С.» и его юридического адреса, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает его обоснованным. Указанные условия Соглашения противоречат требованиям п. 5 ст. 21 и п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которыми соглашения об оказании юридической помощи в адвокатском кабинете заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации адвокатского кабинета, при этом в силу пп. 1 п. 4 ст. 25 указанного Федерального закона существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является «указание на

адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате». Вопреки этим требованиям закона адвокат С. заключил Соглашение от имени адвокатского кабинета и указал юридический адрес адвокатского кабинета, в то время как адвокатский кабинет не оказывает юридическую помощь, не является юридическим лицом и не имеет юридического адреса. Тем самым адвокат С. нарушил требования пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения во включении адвокатом С. в п. 1.2 Соглашения условия о сроке исполнения поручения в течение шести месяцев, в то время как предметом поручения является защита доверителя по уголовному делу в суде первой инстанции. Согласно Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденным Советом 30 мая 2013 года, «круг полномочий защитника в уголовном судопроизводстве в отличие от полномочий представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ) определяется непосредственно уголовно-процессуальным законом (ст. 53, 248 и др. УПК РФ) и не может быть произвольно ограничен гражданско-правовым соглашением между доверителем и адвокатом. Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты, предопределяются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката». Данные Разъяснения даны Советом Адвокатской палаты города Москвы в пределах его компетенции, доведены до сведения членов адвокатского сообщества и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы в силу предписаний пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики. Однако адвокатом С. эти обязательные требования также проигнорированы.

Совет в этой связи отмечает, что судебное разбирательство может не закончиться в течение шести месяцев в силу сложности уголовного дела, количества участников уголовного судопроизводства и иных причин. Следовательно, установление в соглашении на осуществление защиты временного ограничения исполнения поручения (шесть месяцев) заведомо

ставит доверителя в ситуацию неопределенности, а его право на защиту – под реальную угрозу нарушения, поскольку доверитель продолжает нуждаться в защите и после истечения установленного соглашением срока, если соответствующая стадия судопроизводства не завершена. Создание адвокатом такой ситуации недопустимо и несовместимо с правилами профессиональной этики.

Таким образом, адвокатом С. при описанных обстоятельствах нарушены требования пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Советом 30 мая 2013 года.

Дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение условия об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций доверителя и исполнителя» (п. 4.2), упоминания в п. 5.7 Соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», а также условия о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), также нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Так, согласно п. 4.2 Соглашения «При наличии противоречий и в случае расхождения позиций Доверителя и Исполнителя конкретные действия Исполнителя, совершаемые по письменному указанию Доверителя, должны быть оплачены Доверителем согласно Приложению № 3 к настоящему договору с применением 50% увеличения». При этом в пункте 4.2 Соглашения, помимо заведомо недопустимого характера самой возможности существования подобных отношений между адвокатом и доверителем, даже не раскрывается, какие именно противоречия и расхождения квалифицируются как основание для увеличения вознаграждения на 50%. Не указано и то, кто и в каком порядке фиксирует факт расхождения позиций, что ставит доверителя в дискриминационное положение, поскольку создает адвокату возможность признать даже самое незначительное разногласие основанием для одностороннего увеличения вознаграждения.

Согласно п. 5.7 Соглашения «Предварительный платеж, в случае его оплаты, может быть возвращен при расторжении договора Доверителем по уважительной причине в той части, которая к моменту расторжения не была затрачена на исполнение поручения Исполнителем. В этом случае расчет исполнения поручения производится по фактическим затратам и расценкам на оказание юридической помощи по минимальным ставкам, установленным в Кабинете адвоката на момент расторжения». Пунктом 5.10 Соглашения предусмотрено, что «С ценами на оказание юридических услуг помощи Доверитель, до момента подписания настоящего договора ознакомлен в полном объеме». В то же время в Соглашении отсутствует какой-либо перечень «цен» («расценок», «ставок») на юридическую помощь, а также и не имеется соответствующих приложений к Соглашению, содержащих такой

перечень. Таким образом, Соглашение не содержит ясных, исключаящих сомнения и двойное толкование условий о порядке расчета при его расторжении, что свидетельствует о нарушении адвокатом С. положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение дискриминационного в отношении доверителя условия, содержащегося в его п. 3.4, Совет отмечает следующее.

Согласно п. 3.4 Соглашения «Доверитель, либо третьи лица настоящего договора, в интересах которого действует Исполнитель, при заключении настоящего Договора осведомлены, что осуществлять юридически значимые действия по предмету договора, в том числе: контакты с любыми лицами, касающиеся предмета настоящего договора, скреплять своей подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела, он обязан только с согласия Исполнителя, причем согласием в последнем случае считается визирование подписи Доверителя Исполнителем на документе или устно с последующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1».

Устанавливая для доверителя И. обязанность согласовывать с «Исполнителем» все «юридически значимые действия», включая требование к доверителю о «скреплении своей подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела», только с письменного согласия «Исполнителя», адвокат С. фактически вводит тотальный контроль над процессуальной свободой доверителя в реализации своего права на защиту. При этом положение п. 3.4 Соглашения о том, что согласие «Исполнителя» на совершение доверителем юридически значимых действий может быть выражено «устно с последующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1», является практически неисполнимым, поскольку внесение изменений в текст Соглашения после каждого устного согласования юридически значимых действий доверителя не отвечает критериям разумности и реализуемости.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом С. положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение носящего дискриминационный, неопределенный и неконкретный характер условия, содержащегося в п. 3.4 Соглашения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение недопустимого условия о праве «Исполнителя» на односторонний отказ от исполнения обязательств (п. 2.3 и 5.4), Совет отмечает следующее.

Пунктом 2.3 Соглашения предусмотрено: «В ходе исполнения задания Исполнитель имеет право отказаться от исполнения обязательств полностью

или в части, если оказание юридической помощи или представительство, а также требования Доверителя, или третьего лица договора, сопряжены с нарушением Исполнителем норм законодательства, влекущих применение профессиональных или иных видов санкций в соответствии с действующим законодательством, а также этики, или сопряжено с опасностью для Исполнителя, а также, если Доверителем нарушены условия настоящего договора, что делает невозможным исполнение обязательств Исполнителем, или исполнение настоящего договора невозможно по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон». Пунктом 5.4 Соглашения установлено, что «Договор может быть расторгнут каждой из сторон досрочно, с устным и последующим письменным уведомлением другой стороны не менее чем за 5 рабочих дней. При отказе от исполнения договора, или споров по договору, в обязательном порядке применяется претензионный порядок. Отсутствие ответа на письменную претензию (письмо) по настоящему договору в течение 14-ти дней с момента ее получения, будет приниматься сторонами настоящего договора, как его расторжение».

Эти условия Соглашения прямо противоречат пп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также ч. 7 ст. 49 УПК РФ, которыми в качестве общего правила установлен запрет отказа адвоката от принятой на себя защиты. Этот же запрет установлен п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что, включив в Соглашения пункты 2.3 и 5.4, предусматривающие возможность одностороннего отказа «Исполнителя» от исполнения поручения по защите И. по уголовному делу, адвокат С. нарушил требования ч. 7 ст. 49 УПК РФ, пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во включении адвокатом С. в Соглашение содержащегося в пунктах 5.5, 5.6, 5.7 и 5.8 условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении Соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя, Совет исходит из следующего.

Пунктом 5.5 Соглашения установлено: «В случае расторжения договора по инициативе Доверителя предварительные платежи, в случае оплаты их Доверителем, возврату не подлежат. Это основание обосновывается запретом, налагаемым профессиональной этикой в части невозможности принятия на себя обязательств сверх настоящего договора при хронологическом конфликте участия по делам, что влечет для Исполнителя убытки».

Согласно пункту 5.6 Соглашения: «В случае расторжения договора после вступления в дело Исполнителя (выдача ордера, переговоры, иные действия) и при прекращении негативных обстоятельств, которые послужили причиной обращения к Исполнителю, независимо от оснований подобного прекращения, предварительные платежи, в случае оплаты их Доверителем, возврату не подлежат по причине выполнения своего обязательства Исполнителем, которое было направлено на устранение негативных последствий нарушения права и охраняемого интереса для Доверителя или третьего лица, за защитой которого обращался Доверитель».

Пунктом 5.7 Соглашения предусмотрено: «Предварительный платеж, в случае его оплаты, может быть возвращен при расторжении договора Доверителем по уважительной причине в той части, которая к моменту расторжения не была затрачена на исполнение поручения Исполнителем. В этом случае расчет исполнения поручения производится по фактическим затратам и расценкам на оказание юридической помощи по минимальным ставкам, установленным в Кабинете адвоката на момент расторжения. Расчет сумм, подлежащих возврату, согласовывается сторонами на основании документов и фактически произведенных действий, и затрат. Уважительной считается причина, признанная таковой по совместному согласию сторон договора, что должно быть выражено в исполнительной надписи на настоящем договоре или в виде отдельного документа (доп.договора или произвольной форме)».

Пунктом 5.8 Соглашения установлено: «В случае расторжения договора по инициативе Исполнителя (в т.ч. п. 2.4), если таковое расторжение допустимо законодательством и достигнуто сторонами, предварительные платежи подлежат возврату за вычетом сумм, уже затраченных на исполнение поручения, согласно фактическим затратам и расценкам на оказание юридической помощи, по минимальным ставкам, установленным в Коллегии адвокатов на момент расторжения. Расчет сумм, подлежащих возврату, как правило, согласовывается сторонами на основании документов и фактически произведенных действий, и затрат. Оплата работы Исполнителя при уважительности причины расторжения по настоящему пункту согласовывается сторонами и не может составлять более половины суммы, рассчитанной исходя из фактических процедур».

Приведенные выше условия пунктов 5.5, 5.6, 5.7 и 5.8 Соглашения о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя также являются недопустимыми и прямо противоречат Разъяснениям № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденным Советом 29 сентября 2014 года, а также нарушают положения пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Дисциплинарное обвинение в неполучении адвоката С. подписи доверителя И. на экземпляре Соглашения, оставшемся у адвоката, подтверждающей факт получения доверителем экземпляра Соглашения, также нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Адвокат С. никаких объяснений относительно этого дисциплинарного обвинения ни Квалификационной комиссии, ни Совету не представил, факт получения доверителем Соглашения об оказании юридической помощи не подтвердил. При этом п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года прямо требует от адвоката получить подпись доверителя, удостоверяющую получение им экземпляра соглашения об оказании юридической помощи, на экземпляре соглашения, остающимся у адвоката. По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом С. при описанных обстоятельствах требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года.

В результате дисциплинарного разбирательства нашло подтверждение и дисциплинарное обвинение в указании адвокатом С. во вводной части Соглашения определения понятия адвокатской тайны, предусматривающего, что она не может быть разглашена без согласия «Исполнителя» (а не доверителя), а также определения понятия «Доверитель», не соответствующего предмету Соглашения, который не предполагает оказание юридической помощи никаким иным лицам, кроме самого И. Так, вводная часть Соглашения определяет «Доверителя» как «лицо, а равное его представитель на основании полномочия, удостоверенного в порядке, установленном действующим законодательством, которое выступает в собственных интересах, либо интересах третьих лиц настоящего договора в чью пользу производятся действия Исполнителя». Учитывая, что предметом поручения (п. 1.1 Соглашения) является только защита И., с которым и заключено Соглашение, включение такого условия в Соглашение вводит доверителя в заблуждение относительно того, кто именно является стороной договора, чья воля является определяющей при даче указаний адвокату и кому оказывается юридическая помощь на основании Соглашения.

Также во вводной части Соглашения содержится определение понятия адвокатской тайны, согласно которому «Адвокатская тайна – любые сведения, связанные с оказанием Исполнителем юридической помощи своему Доверителю. Причем по условиям настоящего договора тайна запрещает Исполнителю совершение любых действий, которые направлены на распространение сведений, в том числе по требованию заинтересованных в этих сведениях лиц против воли Исполнителя. Исполнение поручения Исполнителем в виде запросов в различные организации, обращение лично

Исполнителя к должностным лицам в интересах Доверителя и совершение иных действий, прямо предусмотренных настоящим договором, не является разглашением тайны, поскольку напрямую связаны с осуществлением Исполнителем своей профессиональной деятельности». Из указанного определения при его буквальном толковании следует, что адвокатская тайна не может быть разглашена без согласия «Исполнителя», а не доверителя. В то же время п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц. Таким образом, включив в Соглашение условие о том, что адвокатская тайна не может быть разглашена без согласия «Исполнителя» (то есть самого адвоката С.), а не доверителя, адвокат С. не только проигнорировал приведенное положение Кодекса профессиональной этики адвоката, но и поставил себя в положение лица, самостоятельно определяющего судьбу адвокатской тайны.

Тем самым адвокат С. нарушил требования пп. 1 п. 1 ст. 7, 8, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 6, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Учитывая изложенное, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. в отношении всех перечисленных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарных обвинений – установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный, множественный, системный и злостный характер, выразившийся как во включении в соглашение об оказании доверителю юридической помощи целого ряда недопустимых условий, так и в оставлении доверителя без квалифицированной юридической помощи под предлогом одного из недопустимых условий соглашения, что свидетельствует о крайней степени недобросовестности адвоката. Такое профессиональное поведение адвоката С. Совет признает недопустимым, подрывающим доверие как к самому адвокату, так и к адвокатскому сообществу в целом, наносящим вред авторитету адвокатуры и в силу этого несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет также учитывает наличие у адвоката С. неснятых и непогашенных дисциплинарных взысканий, наложенных на него решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 ноября 2025 года № ... (замечание) и от 26 февраля 2026 года № ... (предупреждение).

Кроме того, ранее в отношении него неоднократно прекращались дисциплинарные производства вследствие отзыва жалоб заявителями. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что адвокат С. систематически нарушает требования законодательства и профессиональной этики и не желает корректировать свое профессиональное поведение. Совет принимает во внимание значительный профессиональный стаж адвоката С. и признание им своей вины в заседании Совета, однако не находит возможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление С. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных проступков.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которого он является, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности С., в том числе его возраст и профессиональный стаж, и считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение:

– требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 и 4 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 года (протокол № 18), выразившемся во включении в Соглашение от 08 августа 2025 года № ... об оказании юридической помощи И. по уголовному делу № ... условия, содержащегося в п. 4.3, согласно которому «в случае несвоевременной оплаты, если такая оплата должна быть произведена, исполнение обязательств исполнителем приостанавливается на время неоплаты»; в неуказании в Соглашении сроков оплаты вознаграждения и процедуры уведомления доверителя о приостановлении оказания ему юридической помощи; а также в сознательном оставлении доверителя И. 02 октября 2025 года без квалифицированной юридической помощи ввиду неоплаты доверителем вознаграждения за оказание ему юридической помощи, известив доверителя об этом за 10 минут до начала судебного заседания;

– требований пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в указании во вводной части Соглашения от 08 августа 2025 года № ... об оказании юридической помощи И. в качестве стороны соглашения адвокатского кабинета адвоката С. в лице его руководителя адвоката С., а не адвоката С., и в указании в заключительной части Соглашения, содержащей сведения о его сторонах и их реквизитах, в качестве «Исполнителя» – адвокатского кабинета адвоката С. и его юридического адреса, в то время как адвокатский кабинет не является юридическим лицом и не имеет юридического адреса;

– требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденными Советом Адвокатской палаты города Москвы 30 мая 2013 года, выразившемся в заключении с доверителем И. Соглашения № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ... только в течение шести месяцев, а не на всей стадии уголовного судопроизводства в суде первой инстанции;

– требований пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ..., носящих неопределенный и неконкретный характер условий об увеличении размера вознаграждения адвоката на 50% «в случае расхождения позиций доверителя и исполнителя» (п. 4.2), о том, что доверитель ознакомлен с «ценами на оказание юридических услуг» (п. 5.10), а также указании в п. 5.7 соглашения о «расценках на оказание юридической помощи» и «ставках», «установленных в Кабинете адвоката», при отсутствии в соглашении расценок и минимальных ставок на оказание юридической помощи;

– требований пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, заключенного с И., носящего дискриминационный, неопределенный и неконкретный характер условия, содержащегося в п. 3.4 Соглашения, о том, что доверитель обязан «осуществлять юридически значимые действия по предмету договора, в том числе: контакты с любыми лицами, касающиеся предмета настоящего договора, скреплять своей подписью юридически значимые документы, могущие повлиять на ход движения дела,» «только с согласия Исполнителя, причем согласием в последнем случае считается визирование подписи Доверителя Исполнителем на документе или устно с последующей фиксацией в тексте договора в Приложении № 1»;

– требований ч. 7 ст. 49 УПК РФ, пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, выразившемся во включении в Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ..., недопустимых условий, содержащихся в пунктах 2.3 и 5.4 Соглашения, предоставляющих адвокату право одностороннего отказа от исполнения обязательства по защите подсудимого;

– требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, выразившемся во включении в пункты 5.5, 5.6, 5.7, 5.8 Соглашения № ... на оказание

юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ..., условий о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при расторжении соглашения по инициативе доверителя и о праве адвоката определять «уважительность причины» такого решения доверителя;

– требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, выразившемся в неподтверждении факта получения доверителем И. экземпляра Соглашения № ... об оказании юридической помощи от 08 августа 2025 года его подписью на экземпляре соглашения адвоката С.;

– требований пп. 1 п. 1 ст. 7, 8, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 6, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в водную часть Соглашения № ... на оказание юридической помощи от 08 августа 2025 года, предусматривающего защиту И. в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу № ..., неясного определения «Доверителя», не соответствующего предмету соглашения и допускающего неопределенность в отношении стороны соглашения, а также определения адвокатской тайны, ставящего возможность ее разглашения в зависимость от воли адвоката С., а не доверителя.

Установить срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков